

небольшими различиями в доходах населения. Миграционный поток «Юг — Юг» также включает трудовых мигрантов из богатых развивающихся стран, испытывающих нехватку рабочей силы, таких, как богатые нефтью страны Ближнего Востока или новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии.

В современном мире возрастает поток нелегальной миграции. Приблизительная доля нелегальных мигрантов — 15–20,0 % от общего числа мигрантов в мире и составляет 30–40 млн человек. Соединенные Штаты имеют наибольшее число нелегальных мигрантов — 10–11 млн, или 30,0 % от общего объема населения, родившегося за пределами страны. В Европе количество нелегалов оценивается в 7–8 млн человек. Можно сделать вывод о том, что эта тенденция сохранится в ближайшем будущем.

Рукопись поступила в редакцию 16 сентября 2015 г.

УДК 331.55 + 316.42 + 314.7 + 444

Л. Г. Титаренко

ПОСТСОВЕТСКАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В РАМКАХ «МОБИЛЬНОГО ПОВОРОТА»

«Мобильный поворот» и новая парадигма мобильности, созданные в социологии в начале текущего века, создают новую теоретическую рамку для рассмотрения процессов постсоветской трудовой мобильности. В статье проблемы трудовой миграции рассматриваются с фокусом на процессах, проходящих между Беларусью и Россией. Особое внимание уделяется социальной политике в области миграции в этих странах.

К л ю ч е в ы е с л о в а: трудовая миграция, «мобильный поворот» в социологии, Россия, Беларусь, постсоветское пространство.

Сегодня в мировой социологии общепризнанным является факт, что современный мир вступил в эпоху глобальной мобильности. Мобильность всегда имела место в истории в самых разных формах, но в середине и особенно в конце XX в. миграция приняла невиданные прежде масштабы. В XXI в. рост миграции только усилился. По оценкам ООН, численность международных мигрантов (уроженцев других стран) к 2010 г. достигла 214 млн человек (+58 млн по сравнению с 1990 г., или 3,1 % населения мира). Только 2015 г. прибавил к этой цифре не менее миллиона мигрантов, прибывших в Европу из Сирии и других «горячих» регионов. Произошла концентрация основных миграционных потоков, их целью стало ограниченное число государств. На десять стран с наибольшим числом международных мигрантов приходится 52 % их общей численности. Первое место занимают США: 21 % мигрантов (42,8 млн человек). За США со значительным отрывом идет Россия (12,3 млн), третье место занимает Германия (10,8 млн), однако именно в ней число мигрантов быстро растет в последнее время. Далее идут Саудовская Аравия (7,3 млн человек), Канада (7,2 млн), Франция (6,7 млн),

Великобритания (6,5 млн), Испания (6,4 млн), Индия (5,4 млн). Значительная часть этих мигрантов — нелегалы (по некоторым данным, до 4 млн человек в год).

Не случайно для осмысления глобальной мобильности в начале XXI в. британский социолог Джон Урри предложил новую социологическую парадигму мобильности, которая получила широкую известность в мире. Эта парадигма оперирует не только категориями мобильности, пространства и времени, но и претендует на новое понимание всей социологии. Урри заявил: «Мною предлагается и дается систематическая разработка того, что я называю новой парадигмой мобильностей, призванной преобразовать характер адекватного анализа в социальной науке» [8, 73]. В процессе разработки парадигмы мобильностей Урри выдвинул и развил идею трех взаимосвязанных «поворотов» в современной социологии: *сложности, мобильности и ресурсности*, главным из которых является «мобильный поворот». Этой проблематике посвящены основные работы Урри: «Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI века» [Там же], «Мобильности» [9].

Британский социолог исходит из того, что мы живем в глобальную эпоху, или эпоху «текучей современности» и турбулентности, которая требует пересмотра всех основных понятий социологии, включая понятия общества и социального. Сегодня, когда все физические и виртуальные границы стали гибкими и проницаемыми, а национальные общества теряют свою былую власть, исчезли перегородки и между научными дисциплинами. Требуются новые теории и исследовательские методы. Весь мир пришел в состояние постоянного движения, трансформации, вследствие чего «социальное как общество» превращается в «социальное как мобильность». Поэтому понятие социального не сможет в будущем оставаться основой социологического анализа. Оно требует замены на более адекватные понятия.

На этом основании Урри назвал нынешнюю эпоху постсоциальной; это означает, что на место общества приходят *глобальные сети и потоки*. Он пишет по этому поводу: «Я собираюсь предложить манифест социологии, изучающей различные виды мобильности людей, объектов, образов, информации и отходов, а также сложные взаимосвязи между ними и социальные последствия этих разных типов мобильности» [8, 9]. Таким образом, новым предметом социологии становятся *потоки* (людей, товаров, идей, информации) и их сложные *пересечения* и взаимосвязи. Категория «поток» ставится в центр внимания Урри и заменяет прежние основные понятия социологии — «структура» и «сообщество». Понятие мобильности используется как синоним понятия «потоки»: оба относятся к физическим и виртуальным перемещениям не только людей, но и объектов, образов, денег, отходов и т. п. Отсюда и название парадигмы — парадигма мобильностей.

В своих работах Урри показывает, как новые виды мобильности вовлекают огромное число различных технологий и физических объектов, влияют на восприятие людьми пространства и времени, становятся центральным элементом социологии: «Мобильности, пересекающие социетальные границы так, что само их проникновение образует неожиданные пространственно-временные паттерны, создают возможность новой большой повестки для социологии. Это повестка мобильности» [Там же, 11]. Мобильность становится главной проблемой меняющейся

социологии, занимает в ней центральное место. Для изучения мобильности Урри предлагает использовать междисциплинарный подход.

Категория мобильности анализируется Урри в различных вариантах, имеющих непосредственную связь с повседневностью (географические передвижения, туризм, смена места проживания и гражданства, виртуальные путешествия во времени и др.). Мобильность становится проблемой исследования на стыке социологической теории и повседневных человеческих практик, что и потребовало от автора привлечения знаний из других научных дисциплин (географии, экономики, политической науки) и современных технологий. Большинство рассматриваемых Дж. Урри видов мобильности относятся к горизонтальной, а не вертикальной мобильности, и в этом — отличие его подхода от подхода социологов, исследующих традиционные проблемы социальной мобильности. Изучая пересекающиеся горизонтальные мобильности, социология становится «постдисциплинарной» наукой, привлекающей знания из разных дисциплин и организованной «вокруг сетей, мобильности и горизонтальной текучести» [8, 13].

Урри назвал мобильность центральной проблемой современности и выделил ее главные характеристики: глобальность, турбулентность, текучесть. Ученый провозгласил поворот к синтезу знаний из многих наук в рамках новой парадигмы, которая, по его мнению, должна соответствовать качественно новой социальной реальности и предлагать новые инструменты и формы для ее теоретического осмысления. Таким образом, «мобильный поворот» знаменует новый тип мышления, ориентированный на процесс движения и описывающий многообразные перемещения в разных сферах и пространственно-временных координатах.

Отвечая на вопрос, почему новая социологическая парадигма должна изучать многообразные пересекающиеся горизонтальные мобильности, Урри утверждает, что, во-первых, социология лучше других социальных наук способна на постдисциплинарную перестройку, поскольку она меньше подвержена дискурсивной нормализации. Другие науки преуменьшают роль мобильности, перемещений в жизни людей, не «замечают» их, игнорируют изучение инфраструктуры повседневной жизни. Во-вторых, потому что именно социология организована вокруг сетей и поэтому может разработать новую повестку для своих исследований. Именно социология может изучать мир сетей и потоков, в котором мобильности не ограничены территорией национальных государств и не заданы локальными физическими расстояниями. Люди и объекты соединяются в немыслимые прежде сети, наличие которых позволяет людям накапливать сетевой капитал. Последний включает реальные и потенциальные связи и взаимодействия людей и вещей, которые пространственно удалены, но становятся доступными благодаря новым технологиям (мобильный телефон, автомобиль, айфон). Люди должны постоянно поддерживать свой сетевой капитал через виртуальные и реальные встречи с другими людьми, чем и заполнена их социальная жизнь [9, 360].

Итак, мобильность — центральная черта современности. Ее нельзя не принимать в расчет, пытаться ее уничтожить. Чтобы хоть как-то быть в состоянии влиять на мобильность, ее следует изучать именно в рамках новой парадигмы мобильности. Урри считает, что все формы общественной жизни включают непривычные сочетания близости и удаленности, требующие изучения пересекающихся форм

физической, предметной, воображаемой и виртуальной мобильности, связывающей сегодня людей потребностями, желаниями и обязательствами независимо от расстояний. Перемещения становятся необходимым компонентом поддержания различных социальных связей, причем в ряде случаев материальные перемещения соответствуют богатой жизни общества с плотной сетевой структурой. Все люди становятся странниками, *номадами*, и чем больше они вписываются в современное общество, тем более это очевидно. Право на мобильность Урри называет *главной новой ценностью* и неотъемлемым правом личности в глобальном сообществе. А неравенство мобильностей — один из новых видов социального неравенства.

В этих концептуальных рамках мобильность не рассматривается как «зло» или «добро». Ее нельзя запретить и полностью поставить под контроль, однако можно переосмыслить ее природу в новых условиях и действовать соответственно тем возможностям, которые она предоставляет. В связи с этим парадигма Урри приложима и к процессам трудовой мобильности на постсоветском пространстве. В настоящее время изучение мобильности, как правило, осуществляется здесь на эмпирическом или региональном уровне либо на уровне социальной политики, что очень важно, но недостаточно. Новая парадигма должна получить более активное использование.

Проблема миграции в России — одна из самых актуальных в российской социальной политике, она чрезвычайно популярна среди социологов, демографов, этнографов. В результате массовых миграционных процессов за постсоветский период в ряде городов и регионов России в корне изменилась демографическая, этническая ситуация. Поскольку миграция тесно связана с проблемой социальной безопасности страны, в случае выхода из-под контроля она может привести к этническим конфликтам и росту социальной напряженности.

Россия не только стала частью общемировых миграционных процессов, но и заняла в этих процессах весьма заметное место. Как утверждал в 2007 г. глава ФМС К. Ромодановский, Россия была европейским лидером по числу мигрантов: на ее долю приходилось 48 % всех прибывающих на заработки в Европу людей. Сколько точно было в России мигрантов на конкретный момент времени, не может определить ни один эксперт, так как статистика фиксирует только тех, кто зарегистрирован (либо просрочил сроки пребывания и т. п.). В 2014 г., по некоторым данным, в России было 3–5 млн нелегальных трудовых мигрантов, что превышало официальное количество легальных иностранных работников минимум в 2 раза.

Под термином «трудовая миграция» здесь понимаются перемещения людей между странами в поиске (временной) занятости в другом государстве. Термин «трудовые мигранты» применяется к лицам, периодически выезжающим или же выехавшим в другое государство на определенный срок с целью устроиться там на работу. Тем не менее довольно сложно бывает разграничить временную трудовую миграцию и постоянную миграцию: иногда первая перерастает во вторую. В любом случае к временной трудовой миграции относят выезд как на 2–3 месяца, так и на несколько лет, если мигрант посещает страну своего происхождения и сохраняет в ней гражданство. В ряде случаев в качестве временных трудовых мигрантов рассматривают лишь тех, кто выехал менее чем на 1 год. Поэтому разнотой в цифрах большой.

Во фрейме парадигмы Урри ситуация в России ничем особо не отличается от других стран. Тем не менее на региональном уровне имеются специфические проблемы, связанные с миграцией и требующие конкретного решения. Остановимся на проблеме белорусской трудовой миграции в Россию. По разным подсчетам, на долю России приходится более 80 % всех трудовых мигрантов из Беларуси, на СНГ в целом — около 90 % (остальные 10 % — на страны Евросоюза).

Конечно, соотношение миграционных проблем России и Беларуси просто несоизмеримо: по разным оценкам, в разные годы в России эксперты насчитывали до 10–12 млн трудовых мигрантов. Со слов Ромодановского, в 2007 г. в РФ находилось примерно 14,5 млн мигрантов, из них 7 млн — нелегальных. Россия являлась самой притягательной страной СНГ для трудовых мигрантов. Лишь в последние год-два число мигрантов в Россию снизилось в связи с экономическим кризисом и ликвидацией многих рабочих мест. Сколько россиян выехало из России (включая трудовых мигрантов), точно неизвестно, хотя это тоже, видимо, немалая цифра.

Что касается Беларуси, официальная постсоветская статистика отлично маскировала проблему миграции на протяжении десятилетий. По данным официальной статистики, число трудовых мигрантов всегда было ничтожно мало — несколько тысяч человек, причем число въехавших в Беларусь долгие годы превышало (хотя и незначительно) число выехавших из страны, даже с учетом демографического спада и сокращения населения Беларуси за постсоветское время с 10,5 до 9,48 млн человек. По официальным данным, в XXI в. эмиграционный поток из Республики Беларусь сократился: если в 1994 г. выехало 56,5 тыс. человек, то в 2013 г. — только 7,8 тыс. Количество прибывающих мигрантов было практически постоянным: так, в 2002 г. оно составило 18,9 тыс. человек, а в 2013 г. — 19,4 тыс. За 2002–2013 гг. суммарное положительное сальдо миграции населения Республики Беларусь равнялось 86,7 тыс. человек.

Ситуация изменилась в связи с российско-украинскими событиями 2014–2015 гг. За это время в Беларусь въехало около 60 тыс. граждан Украины, только за январь–март 2015 г. их число составило более 2,5 тыс. человек, из них менее 1 тыс. попросили статус беженца, остальные трудоустроились сами. Начиная с 2013 г. именно въездная миграция компенсировала естественные потери населения Беларуси. Но если в 2013 г. почти половина из 15 тыс. въехавших были из России, то в 2014 г. большинство составили граждане Украины.

Однако оценка реальных размеров трудовой миграции белорусов (особенно в Россию) по официальной статистике сходна с измерением айсберга по его верхушке: статистикой фиксировалась лишь небольшая ее часть. Большинство гастарбайтеров уезжало, не выписываясь из мест своего постоянного проживания, т. е. они числились дома, однако в число занятого населения Беларуси не включалось. Сначала журналисты, а потом и ученые выявили расхождения между справочной численностью населения Беларуси, величиной трудоспособного населения (5,5 млн человек) и числом занятых в народном хозяйстве (4,5 млн человек). Где еще почти 1 млн человек? Грубо говоря, это и есть потенциал трудовой миграции, хотя число реальных трудовых мигрантов подсчитать невозможно, тем более что большинство этих мигрантов — временные.

Для борьбы с нелегальной миграцией в апреле 2015 г. в Беларуси был издан Указ об уплате налогов так называемыми «тунеядцами» (такими налоговая служба официально признала около 400 тыс. человек). Тем самым было обозначено число незарегистрированных трудовых мигрантов, которое выглядит достоверным: по данным Департамента по гражданству и миграции МВД РБ, основанным на выборочных обследованиях домашних хозяйств, число белорусов, находящихся за пределами страны и занятых там трудовой деятельностью, составляет 300 тыс. человек в год. Эта цифра подтверждается данными российских миграционных служб: в 2013 г. численность белорусских трудовых мигрантов в России оценивалась в пределах от 100 до 300 тыс. человек [5].

При анализе миграции белорусов был выделен ряд характеристик.

1) Это высококвалифицированная миграция, которая связана не с бедностью или безработицей, а с более широкими возможностями, которые открывает миграция в Россию (не говоря о дальнем зарубежье, куда все, кто мог, выехали в 1990-е гг.). По этой же причине в 2000-е гг. имела место временная или циркуляционная интеллектуальная миграция из России в страны СНГ. Однако, по мнению В. Воронкова, все мигранты в России становятся маргинальной группой, их эксплуатируют, а права ущемляют [4].

2) Миграция женщин, выросшая в XXI в., характеризуется высоким уровнем образования, молодым возрастом (до 40 лет), переездом в ЕС не только для работы, но и для замужества. Эксперты полагают, что эта группа женщин, имеющая высшее образование (а в РБ среди работающих женщин его имеют 55 %, среди мужчин — только 37 %), испытывает высокую неудовлетворенность своим социально-экономическим положением. Однако статистически эта группа мала и составляет менее 10 % мигрантов. Рост спроса на женский труд в сфере обслуживания вызван старением населения в целом и повышением уровня жизни в странах назначения, включая Россию. По тем же причинам есть спрос на трудовых мигранток из СНГ в Евросоюзе. Сами женщины рассматривают миграцию как выражение своей свободы делать то, что они сами хотят. Такая оценка адекватно отражает новую глобальную ситуацию и соответствует парадигме Урри.

3) Активная трудовая миграция белорусов именно в Россию связана с официальным статусом двух стран — Беларуси и России. Условиями, способствующими перемещению и трудоустройству белорусов в России, стало образование в 1996–1997 гг. Союза Беларуси и России, упростившего трудоустройство граждан в любой из стран, а позднее еще и Таможенный союз (с этого времени в Казахстане тоже стало возможным трудоустройство на тех же основаниях). Либерализация миграционного режима внутри этих стран способствует росту миграционного потока белорусов в Россию. В целом на долю России и Казахстана приходилось около 85 % миграции (соответственно и миграция в Беларусь из этих стран была наибольшей, хотя она чаще отражала семейные связи, «возврат на историческую родину» либо приезд на учебу). С созданием в 2014 г. Евразийского экономического союза произошла дальнейшая либерализация трудовых перемещений.

4) Ввиду того что Беларусь граничит с тремя странами ЕС, имеет место трудовая миграция в эти страны (Польшу, Литву и Латвию). Белорусские мигранты

часто нелегально (без регистрации) уезжают из Беларуси, из них две трети трудоустраиваются в этих странах легально, получая вид на жительство, а одну треть составляет нелегальная трудовая миграция. Эти мигранты часто числятся где-то на работе в Беларуси или устраиваются на любую работу на короткий срок, приезжая домой в отпуск.

5) Вместе взятая, внешняя миграция из Беларуси в разные годы составляла от 100 до 500 тыс. человек.

6) Общей тенденцией белорусской миграции в Россию является концентрация большинства мигрантов лишь в нескольких основных секторах экономики, где не хотят работать россияне. Мужчины в основном заняты в строительстве, добыче и обработке полезных ископаемых, ремонте автомобилей и бытовой техники, жилищных коммуникаций, в бытовых службах и сельском хозяйстве. Женщины заняты более или менее квалифицированным временным трудом: офисные работники, учителя, врачи, домашние управительницы. Белоруски редко заняты на подсобных работах, в торговле, отелях и ресторанах, сельском хозяйстве.

7) Миграционные настроения преобладают в Беларуси среди студентов (22 %), строителей и промышленных рабочих (18 %), служащих (14 %) [1, 135]. Мотивами называют не только желание заработать (54 %), но и желание посмотреть мир, просто пожить за границей (65 %) [Там же, 136]. В последние годы важная причина выезда на ПМЖ — отсутствие возможностей самореализации (40 %). Иерархия привлекательных стран выезда на ПМЖ — Россия, Германия, США.

8) Белорусская миграция в Россию часто имеет циркуляционный, или маятниковый, характер, что выгодно России, так как позволяет не вкладывать средства в социальное обеспечение мигрантов, ибо семьи мигрантов остаются в стране-доноре. Нет и проблемы интеграции мигрантов: они уезжают домой, и их не надо вовлекать в жизнь страны-реципиента.

Остановимся на одной общей проблеме миграции для России и Беларуси — «утечке мозгов». Для России она драматична. По мнению С. Рязанцева, несколько десятков тысяч ученых, покинувших Россию, — это ее цвет, поэтому их отъезд — огромная потеря для интеллектуального потенциала страны [6, 24]. Подсчитано, что только с 1989 по 2004 г. из России уехало порядка 25 тыс. ученых, а 30 тыс. работают за рубежом по временным контрактам... Это наиболее востребованные ученые, находящиеся в продуктивном научном возрасте. Сегодня число занятых в науке в России составляет порядка 40 % от уровня 1990-х гг. [7]. По экспертным оценкам, в 1990-е гг. из России выехали 70–80 % ведущих математиков и 50 % ведущих физиков-теоретиков. С 2002 по 2010 г., по данным Росстата, выехало 665 докторов и кандидатов наук. Часть уехала на ПМЖ, другие по контракту, но возвращаться они тоже не собираются. Основные принимающие страны — Германия, Израиль, США. В целом, по данным прессы, из России могло выехать до 1,5 млн ученых [6, 29]. «Вытесняющие» факторы «утечки мозгов» — не только зарплата, но и материальные условия исследований, условия труда, образ жизни, обеспеченное будущее. Судя по данным опросов, менее половины российских ученых не имеют миграционных настроений [Там же, 34]. Вернуть тех, кто уехал, чрезвычайно трудно, а потерять новых ученых легко: существует много каналов эмиграции для разных категорий ученых.

Ситуация в Беларуси не столь драматична лишь потому, что в стране меньше ученых, которые представляют мировой уровень. Но тенденция та же. Общая численность ученых в стране за 1991–2012 гг. сократилась в 1,6 раза [2, 310], особенно за счет кандидатов и докторов наук. В результате идет старение ученых: в 2012 г., по данным М. Артюхина, 70 % исследователей были старше 60 лет. Среди аспирантов, по данным опросов, более половины хотели бы выехать на Запад временно или постоянно. Даже Россия остается для них более привлекательной, чем собственная страна.

В целом в миграции между Россией и Беларусью выделяют и позитивные, и негативные аспекты. Главное положительное следствие трудовой миграции для Беларуси состоит во временном улучшении ситуации на внутреннем рынке труда, так как отток рабочей силы приводит к минимизации безработицы. Заработки мигрантов также положительно воздействуют на развитие внутреннего рынка товаров в Беларуси, рост личного строительства в стране. В России белорусские трудовые мигранты помогают восполнить существующий недостаток в рабочих руках и тем самым финансировать схемы выплаты пенсий россиянам из текущих доходов. Значительное культурное, языковое сходство и близость населения двух стран снимают всякие барьеры в коммуникации как с работодателем, так и с населением. Поэтому белорусские мигранты незаметны: они внешне и по манерам поведения, привычкам не отличаются от россиян. Более того, по качеству подготовки и уровню образования мигранты из Беларуси значительно превосходят мигрантов из других стран СНГ: это квалифицированные строители, специалисты по нефтедобыче, а также (хотя и меньше) врачи, ученые, IT-специалисты.

И все же денежный поток от мигрантов, зафиксированный официально (денежные переводы), всегда был несопоставимым с подобными потоками из России в Украину, Молдову, Среднюю Азию. Поскольку часть белорусских мигрантов (особенно сезонных) оставались нелегалами, их труд не пополнял российскую казну через налоги и другие отчисления. Те мигранты, которым удавалось хорошо устроиться, нередко принимали решение об окончательном переселении в Россию, что приводило и приводит к ухудшению демографической ситуации в Беларуси. Следствием оттока белорусских трудоспособных граждан, не сбалансированного притоком граждан из других стран, стали процессы ускорения старения населения Беларуси и изменения половозрастной структуры населения. Эти явления опасны для стареющего белорусского общества.

Почему до настоящего времени не удается урегулировать процессы миграции в Беларуси и России? Одной из причин неудач в регулировании миграции в России специалисты в этой сфере считают разноречивость в применяемых режимах миграционной политики. Главными такими режимами являются либеральный и ограничительный. Первый режим резко упрощает легальное трудоустройство, поскольку открывает прямой доступ в страну всем потенциальным трудовым мигрантам (в данном случае речь идет о трудовых мигрантах из СНГ). Второй режим, напротив, применяет жесткие правила трудоустройства для трудовых мигрантов, предполагает многоуровневую легализацию труда мигрантов, пытаясь максимально защитить национальный рынок труда.

Оба режима в разные времена применялись в зарубежных странах. Оба приносили результаты. Так, либеральный режим в странах Западной Европы после Второй мировой войны помог решить проблему обеспечения притока рабочих рук за счет мигрантов из Турции, Северной Африки, Азии. Но когда эта проблема была окончательно решена, возникли проблемы с национальными диаспорами в странах ЕС, и ряд стран перешли на ограничительный режим. В отношении третьих стран и сегодня в Евросоюзе есть жесткие ограничения относительно трудовой миграции.

Что касается России, здесь в целом действует смешанный тип миграционного режима: для граждан СНГ нет виз, границы открыты. Однако при трудоустройстве мигрантов законодательство ставит множество преград перед иностранными работниками, стимулируя вольно или невольно их дискриминацию и чрезмерную эксплуатацию, нарушения прав человека, а также легальные и нелегальные изъятия денег полицией и миграционными службами. Все это чрезвычайно усложняет жизнь мигрантов и толкает их на нелегальное трудоустройство. Единственным решением вопроса может стать последовательное применение одного из типов миграционного режима. Однако препятствием этому могут быть некоторые внешнеполитические приоритеты России.

Что касается стран Евразийского экономического сообщества, между ними нужен полностью либеральный режим, но на практике пока существуют многие изъятия из либеральных правил. Если гражданам внутри сообщества будут созданы либеральные условия для трудовой миграции, это станет хорошим стимулом для вступления в данное сообщество других стран, которые еще окончательно не приняли такого решения. В то же время, как показывает мировая практика, при большом разрыве в экономическом развитии между странами — донором и реципиентом — либерализация миграции не приносит успеха, так как бедность стран-доноров будет вынуждать мигрантов всеми способами искать работу в России. Любые ужесточения режима, введение селективного принципа миграции не дают эффекта в такой ситуации: пока миграция экономически выгодна, люди будут оставаться даже в плохих и нелегальных условиях. Для России ужесточение режима миграции может принести огромные новые финансовые издержки (проверка виз, контроль границы и пр.) и стимулировать новые ухищрения работодателей и мигрантов для обхода этих правил.

Опыт открытых границ Евросоюза показал, что либеральный режим стимулирует возвратную и маятниковую, а не постоянную миграцию, так как, сталкиваясь с трудностями в получении работы по специальности, многие мигранты уезжали домой (пример, поляки из Великобритании). Языковые барьеры тоже скорее выталкивают их назад, чем стимулируют остаться. Заработав денег, многие мигранты возвращаются в страну-донор, а заработанные средства нередко используют для развития своего бизнеса. В любом случае только либеральный режим контроля миграции соответствует идеям «миграционного поворота», описанного в концепции Урри и являющегося, по его мнению, отражением потребностей эпохи.

Беларусь тоже столкнулась с противоречиями выбора миграционного режима. Так, в 2014 г. было объявлено, что все «беженцы войны» из Украины могут найти в Беларуси новый дом и работу. Политический лозунг привел к тому,

что в Беларуси находятся более 60 тыс. граждан Украины, которые нуждаются в жилье, работе, их дети — в школах, садиках и т. п. Украинская миграция в РБ по российским меркам невелика. Но для Беларуси она значима. Для сравнения скажем, что, по официально утвержденным планам миграции на 2011–2015 гг., в Беларусь предполагалось привлечь всего 50 тыс. мигрантов. Реальное переселение шло быстро и стало неожиданным, отсюда и возникли проблемы.

В принципе, Беларусь нуждается в мигрантах из ближнего зарубежья более, чем в мигрантах из других стран. Но в условиях нынешнего кризиса, когда в 2015 г. стала расти безработица, начались сокращения рабочих мест, и белорусам самим стало труднее найти работу. Ужесточение политики по отношению к скрытым мигрантам (кто уехал, не выписавшись из квартиры, не заполнив бумаг на трудовую миграцию за пределами страны) привело к тому, что часть маятниковых мигрантов сейчас вынуждены искать временную работу, чтобы не платить налог как тунеядцам. Часть бывших мигрантов зарегистрировалась на бирже труда. Это способствовало быстрому росту официальной безработицы в Беларуси с 0,9 до 2–3 % (в зависимости от источника). Решением данной проблемы мог стать рост экономики, зарплат, занятости. Пока экономический кризис не преодолен, остаются противоречия и шараханья в миграционной политике от либерализма к консерватизму. А это означает, что эффективных подходов к проблемам миграции не найдено.

1. *Артюхин М. И., Пушкевич С. А.* Основные проблемы миграции населения Республики Беларусь: социологический анализ // Социол. альм. Вып. 6. Минск, 2015. С. 126–141.

2. *Артюхин М.* Научная элита: состояние и проблемы воспроизводства // Там же. Вып. 5. Минск, 2014. С. 308–318.

3. Милиция и этнические мигранты: практики взаимодействия / под ред. В. Воронкова, Б. Гладарева, Л. Сагитовой. СПб., 2011.

4. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Текущие данные [Электронный ресурс]. URL: www.belstat.gov.by (дата обращения: 20.09.2015).

5. *Пушкевич С. А.* Основные тенденции развития внешней трудовой миграции населения Республики Беларусь // Труд. Профсоюзы. Общество. 2014. № 2. С. 101–105.

6. *Рязанцев С., Письменная Е.* Эмиграция ученых из России: «циркуляция» или «утечка» умов // Социс. 2013. № 4. С. 24–35.

7. Утечка мозгов // Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 13.06.2012).

8. *Урри Д.* Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI века. М., 2000.

9. *Урри Д.* Мобильности. М., 2007.

Рукопись поступила в редакцию 1 октября 2015 г.